Наталия Боронникова (Пермь), Елена Верижникова (Москва)

Текстовая функция междометий в лингвистическом и художественном наследии Блаже Конеского

В статье рассматриваются статус и функции междометий в лингвистическом и художественном творчестве Б. Конеского. Авторы анализируют выделенные Конеским разряды междометий в структуре речевого акта и в художественном дискурсе. В качестве материала исследования использованы тексты писателя, в том числе представленные в Гралис-корпусе.

Сигурно, штом се прават класификации има некаква потреба од нив. Но, секоја класификација треба да се сфаќа условно и можеби често пати во некоја функција што се фиксира привремено, за да се погледа на една целост од определен ракурс. А потоа и да се заборави таа класификација, па и од други видни точки да се фрли погледот. Лошото е само тоа ако се смета дека една класификација го дефинира апсолутно предметот.

(Конески Б. РАЗГОВОРИ)

Лингвистические воззрения Б. Конеского на статус междометий

В грамматических описаниях языков междометиям, как правило, уделяется незначительное внимание. Это обусловлено рядом факторов: во-первых, до сих пор окончательно не решен вопрос о статусе междометия как части речи; во-вторых, не выявлен объем этого класса слов, не определены группы, входящие в него; в-третьих, дискуссионными являются проблемы его семантического наполнения и функций (см. Ameka 1992; Wierzbicka 1992; Wilkins 1992; Шаронов 2008 и др.). В ГРАММАТИКЕ Блаже Конеский четко определяет свою позицию по ряду вопросов, связанных с теорией междометий.

Междометия Конеский относит к особой группе слов (наряду со знаменательными, служебными и модальными словами); они служат для выражения непосредственной эмоциональной или волевой реакции или же представляют собой подражание звукам (Конески 1967: 213–214). Как мы видим из определения, Конеский отмечает разнородность междометий и выделяет внутри этого класса три группы: эмоциональные междометия, выражающие чувственные рефлексы: ***Оф,*** *ме изгоре*!; императивные междометия: ***Еј*** *ти, дојди ваму*! ***Мац,*** *мацо*!; звукоподражания: ***Чангр-чангр*** *кочија*! (Конески 1967: 545).

Автор ГРАММАТИКИ достаточно подробно останавливается на специфических характеристиках междометий: семантике, синтаксических функциях, фонетических особенностях, способах пополнения класса междометий.

По мнению Конеского, хотя в значении междометий нет однородности, между тем, нет и какой-либо строгой границы между их группами:

> Често неся в себе эмоционалную окраску, они насыщаются ею еще больше из-за того, что обычно находятся в начале предложения, интонационно представляя собой своеобразный ‘ключ’ к его эмоциональному содержанию. Таким образом, некоторые междометия, служащие для обращения, привлечения внимания, могут получить эмоциональную насыщенность (Конески 1967: 545).

В качестве примера автор приводит междометие *море*, которое используется в македонском языке как обращение, для привлечения внимания: ***Море***! ***Море*** *Петре, дојди*! Однако в ряде контекстов междометие способно выражать различные эмоциональные оттенки, ср.: ***Море*** *летање*! (удивление); ***Море*** *што ќе кажел*! (презрит. насмешка); ***Море*** *како*! (протест, недовольство). Конеский показывает способы, с помощью которых можно добиться подобного эффекта, – это повтор (***Море, море,*** *голема работа*!) и интонация, удлинение ударного гласного (***Мо-ре***! *Што стори*!).

Среди грамматических характеристик междометия Конеский отмечает способность употребляться в качестве отдельного эмоционального высказывания или же находиться в начале высказывания для усиления его эмоциональности. Междометия не вступают в грамматические связи с другими словами в предложении, однако в некоторых случаях они приближаются по своим характеристикам к другим частям речи и могут выступать в качестве членов предложения. Так, некоторые звукоподражания имеют семантику предиката: *Го фатив и* ***трас*** *одземи*! *А мачката* ***чап*** *глувчето и го лапна*! Автор подобные образования трактует как своеобразную разновидность глаголов, в качестве доказательства он приводит их способность образовывать „полноценные“ глагольные формы и указывать на смену действий, движение в тексте: *ја метна зад себе на коњот и* ***дуфте*** *коњот – побегна* (Д. Матов); *А мрдни се малку налево, надесно,* ***срн***, ***срн***, ***срн***. При субстантивации междометия могут выступать в функции именной части речи и занимать соответствующую синтаксическую позицию: *Секое* ***оф*** *не е од мака*.

В качестве специфической морфологической характеристики междометий Конеский выделяет редупликацию, полную или с частичным изменением фонемного состава повторяющейся части (*гиди-гиди*, *бре-бре*, *тап-тап*, *џагара-магара, тандара-бандара, чукара-пукара* и др.). Особое внимание следует обратить на образования типа *џагара-магара*. Как известно, повторы часто встречаются в тюркских языках. Конеский говорит, что подобные образования в македонском языке можно объяснить влиянием турецкого.

Кроме того, исследователь отмечает, что имена могут пополнять класс междометий в тех случаях, когда происходит „стирание“ их

лексической семантики и они становятся сигналами внутреннего состояния говорящего (*мајче ле*! *мајчице*! *догосподa*! *боже*! *помош*!). Особенно легко усваиваются вторичные междометия иностранного происхождения, так как их первичное значение не прозрачно для говорящих (*марш*, *стоп*, *аман*, *бравос* и др.).

Отдельно Б. Конеский останавливается на фонетических особенностях междометий, отмечает нестандартный фонетический облик первичных междометий с точки зрения звукового состава и артикуляции (*ццц*, *ссс*, *шшш*, *шшт*, *пст*, *тпрр*), способность к интонированию, которая используется для усиления эмоциональности (*бре-е-е-е*, *мо-о-о-оре*).

Тонкое языковое чутье и широкая лингвистическая эрудиция Конеского позволяют ему так или иначе затронуть практически все актуальные для современной теории междометий вопросы (см. Ameka 1992; Шаронов 2008): это проблема частеречной принадлежности, специфика внутренней организации класса междометий (классификация), уровни описания (фонетический, семантический, грамматический), происхождение (знаковый характер междометий) и пути пополнения состава междометий (проблема первичных и вторичных междометий, заимствования). Рефреном через весь грамматический очерк Конеского проходит мысль об особой эмоциональной насыщенности междометий, о способности быть „ключом“ к раскрытию эмоционального содержания высказывания, что натолкнуло нас на мысль обратиться к текстам самого автора и проследить, какова же функция междометий в его художественном творчестве.

Виды междометий в художественном творчестве Б. Конеского (к постановке проблемы классификации)

Как отмечалось выше, до сих пор в лингвистике междометия являются спорным феноменом. Нет единого мнения как относительно языкового статуса этой группы единиц, так и относительно разрядов, включаемых в нее. При выделении и трактовке междометий мы руководствовались теоретическими положениями Конеского.

В корпусе текстов автора категория междометий представлена широко: свыше 130 словоупотреблений в поэзии и более 180 – в прозе. В качестве материала для выборки были использованы тексты Конеского из трехтомного собрания сочинений СОБРАНА ЛИРИКА: ВО ТРИ КНИГИ, в которое входят поэтические тексты автора, сборник рассказов ЛОЗЈЕ и мемуаристическая проза писателя ДНЕВНИК ПО МНОГУ ГОДИНИ. Путем сплошной выборки из текстов трехтомника и поиска в Гралис-корпусе (На 28.07.2012 обнаружено 66 литературно-художественных текстов автора различных жанров на македонском языке: поэзия, рассказ, эссе. Наибольшее количество составляют поэтические тексты.) был установлен репертуар междометий Конеского (не менее 30 лексем в поэзии и около 60 – в прозе).

А важная, для ряда произведений текстообразующая, роль междометий не оставляет сомнений, что эта категория слов является фактом языка и должна быть предметом лингвистического анализа. Широкий репертуар междометий и их семантическое разнообразие дают представление о системе междометий в целом и позволяют сделать некоторые теоретические наблюдения.

Лишенные как номинативного, так и грамматического значения, междометия не относятся ни к знаменательным, ни к служебным частям речи. Представляется, что основанием для объединения указанных в ГРАММАТИКЕ разрядов (эмоциональные и императивные междометия, звукоподражания) является особая природа языкового знака и его коммуникативная нагрузка в речевом сообщении. С точки зрения теории знака, эти единицы не бывают символами, все они являются либо индексами, либо иконами. В процессе интеръективизации происходит „разрушение“, „стирание“ первоначальной символической семантики, в ряде случаев и иконической, и междометия приобретают индексальность, дейктичность (см. Wilkins 1992).

Анализируя междометия в разных языках, Ф. Амека предлагает классифицировать их на основании функций, которые междометия выполняют в сообщении в соответствии с ориентацией на компоненты, из которых состоит любое языковое сообщение:

> I assume that one of the ways (but by no means the only one) in which one can classify interjections is to appeal to the functions of language which have been traditionally proposed by people like Bühler (1934) and modified by Jakobson (1960) for instance (see Lyons 1977 for an overview). Three categories that are particularly relevant for this are the expressive, with focus on the speaker's state, the conative, with emphasis on the speaker's wishes, and the phatic which has to do with the establishment of contact (Ameka 1992: 113).

Таким образом, Амека выделяет **экспрессивные** междометия – вокальные жесты, являющиеся симптомами ментального состояния говорящего, которые подразделяются на две группы: эмотивные и когнитивные. Вторую группу составляют **конативные** междометия, к которым относятся единицы, обращенные к слушающему: „They are either aimed at getting someone's attention or they demand an action or response from someone of a speaker's wants“ (Ameka 1992: 113). Для установления и поддержания коммуникативного контакта используются **фатические** междометия. К ним относятся вокализации, выражающие ментальное отношение говорящего к контакту (в терминах Р. О. Якобсона, у автора on-going discourse), в частности, сигналы поддержки обратной связи и т.п.

Предложенный подход кажется нам весьма плодотворным. Представляется, что и остальным элементам речевого события также соответствуют разряды лексем, отнесенные в ГРАММАТИКЕ Конеского к междометиям.

Так, основной целью большинства сообщений является ориентация на контекст, о котором идет речь. Р. Якобсон отмечает: „Контекст должен

восприниматься адресатом, и либо быть вербальным, либо допускать вербализацию“ (Якобсон 1975). С контекстом соотносятся звукоподражания и близкие к ним глагольные междометия (в том случае, если они не выполняют конативную функцию). Это вербализация звуков, не включенных в речевой акт, не имеющих коммуникативной направленности. Разумеется, в текстах, по воле автора, и эти знаки могут получать дополнительную нагрузку, но в таком случае имеет место совмещение нескольких функций. С ориентацией на контекст связана **референтивная** функция. С учетом специфики рассматриваемых слов, особого характера знаков, которыми они являются (иконические), не называя, а изображая, имитируя языковыми средствами неязыковые звуки, семиотизируя их, эту функцию следует признать **квазиреферентивной**.

Единицами, ориентированными на код (**метаязыковая** функция), являются междометия, которые Конески приводит в ГРАММАТИКЕ: *џагара-магара*, *тандара-бандара*. Это весьма широко представленный в македонском языке, но мало исследованный разряд, схожий со звукоподражаниями, но имеющий собственную специфику. В словаре, редактором которого был Конеский, *џагара-магара* толкуется как междометие „za označavanje i podražavanje žagora, graje od glasova mnogih ljudi koji govore svi u isto vreme“ (PMJCXT 1966: 554). Единица того же разряда *тинтири-минтири* получает объяснение „koješta, prazne priče, gluposti“ (PMJCXT 1966: 382). Таким образом, эти междометия имитируют код, человеческую речь, в том случае, если означаемое представляется говорящему неважным, не достойным внимания, непонятным, неразборчивым, т. е. в данном случае, кроме метаязыковой рефлексии, наблюдается и экспрессивная функция.

Наконец, **поэтическая** функция, ориентированная на само сообщение. Разумеется, в художественном тексте все элементы так или иначе выполняют ее. Р. Якобсон указывает:

> Различия между сообщениями заключаются не в монопольном проявлении какой-либо одной функции, а в их различной иерархии. Словесная структура сообщения зависит прежде всего от преобладающей функции (Якобсон 1975).

Однако имеются междометия, используемые исключительно или по преимуществу в поэтической функции. Так, в народной поэзии встречаются специальные заполнители для сохранения ритма: „**АЛАЈ** *изв. без значење, а за дополнување на стихот*; невесто алај тетовке, / дали си млада невеста / или си црна вдовица?“ (РМНП 1983: 21). В рефренах с такой целью используются и регулярные междометия, например, обычно конативное „***аман*** <…> **2.** (во служба на извик со кој се бара милост, прошка, помош) *аман*, браќа, помагајте *aman*, braćo, pomagajte. **3.** (како припев во народни песни) Андон иде од чаршија, *аман*, *аман*, од чаршија“ (PMJCXT 1961: 10).

Междометия в поэтических и прозаических текстах Конеского демонстрируют широкий диапазон выразительных возможностей. В репертуаре автора представлены междометия разных разрядов. Так, по преобладающей текстовой функции выделяются следующие виды междометий (в скобках приведено количество словоупотреблений).

1. Экспрессивная функция (связь с **адресантом**)

1.1. экспрессивные симптомы

1.1.1. прототипические

поэзия: *о* (59); *ах* (13); *ех* (1); *оф* (1); *ох* (1)

проза: *а* (1); *ах* (7); *ej* (3); *ех* (7); *ја* (1); *леле* (4); *о* (8); *оj* (1); *ох* (1); *па, па, па, па* (презрение) (1); *пфу* (1); *пфуј* (1); *тч-тч* (неодобрительное цоканье) (1); *ха* (досада) (1)

Экспрессивные симптомы выражают эмоциональное состояние субъекта, делятся на прототипические и вторичные (получившие экспрессивную функцию в контексте). Как правило, эмоциональный симптом возникает на основе первичной физиологической реакции (крики боли, бессилия, возбуждения), он может сопровождаться оценочностью. Особенно ярко многозначность проявляется в „простейших“ прототипических симптомах (*а, о, е, оj, оф* и др.).

Наиболее частотным в поэзии Конеского является междометие *о* (59 употреблений, что составляет приблизительно половину всех случаев), оно используется как при восклицаниях (***О*** *чудо*! *И денеска истата птица на врвот од мојата липа*! (ДОБРА ВЕСТ)), так и при обращениях, и в последнем случае содержит в большей или меньшей степени конативный оттенок: *Ти си древен,* ***о*** *граде,* / *но бедна е твојата археологија* / *без твоите слоеви овде в душа* (ГРАД). К данной группе междометие отнесено по преимущественной функции, поскольку речь идет о риторическом обращении, т. е. имеет место комбинация трех функций (экспрессивной, конативной и поэтической).

Целый ряд междометий, считающихся первичными эмотивами, восходит к звукоподражаниям. При наполненности экспрессивным или конативным содержанием они становятся междометиями, при отсутствии такового остаются звукоподражаниями: подражание звуку плевка, звуку при захватывании еды *ам* (см. раздел конативных сигналов). Мы видим также вариативность письменной формы некоторых междометий, восходящих к звукоподражанию, что следует иметь в виду при их лексикографической фиксации (например, *пфу*; *пфуј; пшт*; *псст*).

1.1.2. вторичные

поэзия: *боже* (3); *богдачува* (1); *натема ме* (1)

проза: *аман* (отнесено сюда по функции у Конеского, обычно употребляется как конатив (см. Боронникова / Верижникова 2011) (2); *ама де* (1); *ам-бам-брц* (1); *амин* (1); *блазе* (1); *боже* (7); *види, види* (1); *глупости* (1); *догоспода* (1); *жити господ* (1); *жити бога* (1); *мајку му* (1);

мајка му стара (1); *остај* (1); *пази боже* (1); *срамота* (1); *срам да ви биде* (2); *таксират* (1); (*о*) *ужас* (1); *чудно ми чудо* (1); *ура* (1); *шипинки* (1)

Эта группа может быть поделена на дальнейшие подгруппы по разным критериям: исходя из функции исходной формы (обращение, императив и т. п.), в соответствии с выражаемой эмоцией (очевидно, что особую группу составляют ругательства), по происхождению (заимствованные *аман*, *амин*, *таксират*) и т. п. Но для целей статьи – показать разнообразие и роль междометий у Конеского и с помощью Конеского – это не столь важно.

Мы отдаем себе отчет, что отнесение ряда лексем из этой группы к междометиям может быть спорным. Степень стирания семантики и первичной функции (апеллятивной, императивной) может быть различной в разных контекстах. Вторичные междометия у Конеского являются прекрасной иллюстрацией интеръективизации обращений и даже целых выражений. В поэзии мы находим примеры поэтической молитвы, где *Боже* – обращение к Всевышнему. При переходе в междометие стирается не только значение, но и функция (конативная), однако слово „хранит память“ о прежнем смысле, тем более на фоне вокативных употреблений. Большой группой вторичных междометий являются проклятия и божба, широко употреблявшиеся прежде в магической функции и утратившие ее в современном языке, перейдя в разряд эмотивов: *натема ме*. Возможно, в данном контексте интеръективизация прошла не до конца, но тем важнее, что на этом примере мы можем исследовать языковые механизмы: *Старата рече*: *Оф, Господи*! *Зошто сум уште, **натема ме**? Зошто ме оставаш олку да се мачам*? (ПЛАЧ НА СТАРИЦА).

Примером междометия, восходящего к императиву, является двойное *види*, ставшее вполне регулярным знаком для выражения удивления. Герой произносит его во внутренней речи: *Гледал долу – се скршиле шишиња со млеко, оставени пред продавницата, и млекото тече по тротоарот. Си помислил и дури се насмевнал на својата шеговита мисла*: ‘***Види***, ***види***, *во социјализмот тече мед и млеко*!’ (ВО ЗЕМЈОТРЕСОТ). Можно возразить, что здесь все-таки присутствует визуальный стимул, однако эта единица может употребляться и при отсутствии такового.

1.2. экспрессивно-когнитивные

поэзия: *аа* (1)

проза: *а* (3); *аа* (1); *е* (12); *о* (2); *ха* (1)

Экспрессивно-когнитивные междометия обозначают симптом эмоционального осознания ситуации: ***Аа***, *сега ми е јасно што кикиригаат страсно*! (ПРОЛЕТНА ВЕЧЕР). Единицы из этой группы демонстрируют близость двух подгрупп и условность такого деления, а также то, что эмоция, выражаемая междометием, имеет диффузный характер. Естественно, что осознание ситуации часто сопровождается удивлением,

поэтому, например, *о* мы указали в обеих группах, в зависимости от того, является ли оно одновременно с эмоцией сигналом изменения когнитивного статуса говорящего: припоминания, обнаружения чего-либо и т. д.

2. Конативная функция (связь с **адресатом**)

2.1. конативные сигналы

поэзия: *ајде* (*ај*) (5); *машала* (1); *уjда-да-да* (1)

проза: *ајде* (23); *бравос* (1); *доста* (3); *еј* (7); *ела*/*елате* (6); *како не* (1); *на* (1); *ој* (1); *остај* (1); *пшт* (1); *псст* (1); *таман работа* (1)

Сюда включаются единицы, направленные на регулирование поведения слушающего (приглашение к действию (в том числе совместному), запрет действия, похвала и т. д.). Следует отметить, что не все исследователи единодушны в определении статуса нескольких единиц, отнесенных к этой группе. Так, лексемы *ај*, *ајде*, *де* одни толковые словари трактуют как междометие, а другие – как частицу. Что же касается междометия *еј*, то в некоторых контекстах оно демонстрирует совмещение функций – фатической и экспрессивной: *Дошол стрико Петруш од Дреновци. Кондисал кај Евремовци. Нели го прават Митроен. **Еј** од кога не е дојден*! (ВИДУВАЊЕ)

Междометия этой группы подтверждают уже отмеченную особенность данного класса слов: способность переходить из одного разряда в другой. В частности, включенное в этот разряд *на* в рассказе Конеского употреблено, скорее, как эмотив: *Дојдоа кај мене, излеговме вака – ќе лумпуваме, вели, вечерва, бај Рангеле, па што сакало било*! *Кога покажа, **на** олкава пачка илјадарки* (КРЧМИТЕ). Такое же употребление (не отмеченное в текстах Конеского) имеется и у *ајде*: неодобрительное удивление. Данное наблюдение необходимо учесть при окончательном определении их частеречного статуса.

2.2. подзывные слова

поэзия: *мат-мат-матице* (1)

3. Фатическая функция (связь с **контактом**)

3.1. фатические

поэзия: контактоустановление, контактоподдержание: *еј* (ср. конативное значение) (8); *бре* (3); *море* (1); *де* (не все словари считают междометием) (1); убеждение собеседника в истинности высказывания: *богме* (1)

проза: побуждение адресата к реакции *а* (говорящий нуждается в одобрении, поддержании разговора) (5); контактоустановление, контактоподдержание, прерывание контакта: *ај* (5); *бе* (3); *бре* (9); *брej* (1); *бога ми* (1); *де* (7); *е* (12); *море* (5); *мори* (2); привлечение внимания, маркировка начала контакта, подтверждение: *а* (4); *е* (12)

Связь с конативами у этой группы очевидна, усиление же эмотивной составляющей переводит их в экспрессивы. В частности, междометия

жити Бога, *жити Господ*, обычно употребляющиеся как божба, в прозе Конеского используются как экспрессивные.

3.2. заполнители хезитационных пауз

проза: *мм* (1)

В последнем случае происходит сбой, задержка в естественном контакте между говорящим и слушающим: междометие сигнализирует слушающему, что ведется поиск нужного слова: – ***Мм****… што ќе видиш, ништо, – рече незадоволно Рангел. – Село како село* (КРЧМИТЕ).

4. Квазиреферентивная (связь с **контекстом**)

4.1. звукоподражания

поэзия: *ау* (вой волка) (1); *сип* (1)*; кикиригу* (2); *џип* (1); *џив* (звуки различных птиц) (2); *тике-так* (звук капели) (2)

проза: *ам* (3); *така-така-така-така* (неотвязные, повторяющиеся подобно звуку часов, сцены пережитого за день) (1); *кр-кр-кр* (изображение хриплого смеха) (2); *пфу* (1); *пфуј* (1); *ха-ха-ха* (1)

Звукоподражания ориентированы на контекст, не называют, а имитируют, изображают звуки.

4.2. глагольные междометия

поэзия: *чук-чук* (2)

проза: *пим* (1); *раз* (1)

Группа отличается от предыдущей вторичным характером. Единицы обеих групп часто имеют глаголы-корреляты, но характер связи с коррелятом в группах обратный: от звукоподражаний образуются глаголы, обозначающие производство звука, глагольные же междометия часто восходят к полноценному глаголу, однако при полном сохранении концептуального значения глагола отличаются повышенным эмоциональным содержанием и изображают действие, что дает право сближать эти единицы с междометиями: ***Чук***, ***чук***! *Кој* ***чука***? *Тагата*. *Влези внатре* (ИГРА СО ДЕТЕ). Среди единиц этого разряда есть и не имеющие глагола-коррелята, однако выступающие в синтаксической функции предиката: *Јас човек сум убивал, око да не ми трепне*! *Ќе си го земам со арно, полека, полека – јас не брзам*! *– а седни ми овде, не таму – овде, овде, а така, немој ништо да се плашиш… вака главата, а-а, и…* ***пим***! (КРЧМИТЕ)

5. Метаязыковая функция (связь с **кодом**)

5.1. метазвукоподражания

поэзия: *ти реков ми рече* (условное обозначение звучащей речи и подчеркивание ее смысловой опустошенности, что позволяет сблизить эту единицу с междометиями типа *џагара-магара*) (1)

проза: *Прва сцена*: *детенце* (*девојченце – одвај пропаткано*) *сака да ги фати гулабите*. *Го знае можеби само зборот*: „***па-па-па-па***“ (ГУЛАБИ) (1).

Метазвукоподражания составляют особую группу, так как они ориентированы на имитацию звукового кода естественного языка. Часто сопровождаются экспрессивной оценкой.

6. Поэтическая функция (связь с **сообщением**)

6.1. возгласы

поэзия: *о* (59); *оj* (16); *и-и-и-и* (1)

6.2. заполнители ритмических пауз, рефрены

поэзия: *ле* (2)

Междометия под этой рубрикой уже указывались в других группах, однако при сохранении экспрессивного содержания их роль в построении поэтического текста проявляется особенно ярко. Так, междометие *оj*, которое имеет стилистический оттенок народно-поэтической речи, выступая как запев, придает стиху фольклорный характер: ***Оj*** *та не ми е поле широко, поле широко раззеленето*. ***Оj*** *туку ми е сино езеро, сино езеро разлелеано* (ОХРИД); ***Оj*** *девојче сино око, барем тебе да те земев*! (ДОЈРАН).

Междометие *и-и-и-и* в ПЕСНА ЗА ЖИВОТОТ маркирует смену настроения, проводит черту (и интонационно, и визуально) между двумя образами: темной, страшной ночи трагического прошлого и мужественного сопротивления в настоящем. Кроме того, оно выполняет и чисто физиологическую функцию – позволяет перевести дыхание перед более энергичной строфой.

Об особой роли междометия *о* в поэзии Конеского подробнее будет сказано ниже.

Деление междометий на разряды весьма условно, потому что границы между ними чрезвычайно подвижны. Так, стирание первичной референтивной и императивной функций приводит к развитию эмотивного компонента значения. На основе прототипической физиологической реакции (непроизвольного выкрика) способна развиться эмоционально-оценочная семантика. Кроме того, в структуре художественного произведения единицы работают на создание определенного эстетического эффекта, и у многих эмотивных и звукоподражательных единиц развивается поэтическая функция, поэтому зачастую сложно выделить ведущую функцию единицы.

Наиболее велика подвижность среди единиц, связанных с участниками коммуникации, находящимися в контакте (контакт – адресат – адресант), здесь широко представлены единицы прототипические и вторичные, приобретшие новые функции в контексте. О появлении „междометности“ свидетельствует преобладание экспрессивного компонента значения в структуре семантики единицы.

Функции междометий в поэзии Б. Конеского

Поэтическая функция языка направлена на характеристику сообщения как такового, а в поэзии она становится доминирующей. По

словам Якобсона, „в поэзии любой речевой элемент превращается в фигуру поэтической речи“ (Якобсон 1975). Междометия в ткани поэтического текста часто становятся центральными экспрессивными и текстообразующими элементами.

Своеобразным эмоциональным „ключом“, пользуясь метафорой автора, задающим особый накал, уровень лирического напряжения, является эмотивное междометие, находящееся в начале фразы, конструкции или ее изолированной части: риторического восклицания, вопроса, обращения. (Выше уже говорилось об излюбленном эмотиве *о* в стихотворных произведениях Конеского.) Многие стихотворения автора открываются риторическим восклицанием, задающим тему текста, междометие в этом случае способствуют усилению экспрессии: ***О*** *убави жени од средна коа*! (ГРЕШНИ ЖЕНИ); ***О*** *виспрен уме*! (ОДА НА УМОТ); *О тешкото*! (ТЕШКОТО), так начинаются 7 из 10 строф этого стихотворения. В середине текста *о* маркирует особенно важную мысль или оценку: ***О*** *неправда*! (УБАВИТЕ ЖЕНИ); ***О*** *убав беше в неизвесност патот, а тажно беше враќањето назад* (КОЛУМБО).

Часто *о* используется при обращении, усиливая конативную функцию, ставя вопрос об особом характере поэтического текста как сообщения, направленного на адресата, в котором присутствует игра, построенная на многозначности:

> Не только сообщение, но и его адресант и адресат становятся неоднозначными. Наряду с автором и читателем в поэзии выступает *я* лирического героя или фиктивного рассказчика, а также *вы* или *ты* предполагаемого адресата драматических монологов, мольбы или посланий (Якобсон 1975).

В круг адресатов попадают одушевленные и неодушевленные предметы (озера, горы, птицы, звери), включенные в личностное дейктическое пространство героя. Лирический герой обращается к предкам и грядущим поколениям, но основным собеседником автора является предполагаемый читатель. Так, взывая к потомкам и ушедшим, Конеский раздвигает временные рамки, вовлекая в этот разговор читателя и выводя его на орбиту вечности и бесконечности, откуда никто не уходит, где со всеми можно вступить в диалог: ***о*** *Жинзифов* (СРЕДБА СО ЖИНЗИФОВ); ***О*** *мои предци*! *О мои внуци*! (НОВА ГОДИНА 1992); ***О*** *поручниче,* ***о*** *професоре,* ***о*** *ставрофоре!* (УСПЕНИЕ НА ВЛАДИМИР МОШИН). И именно междометие как маркер адресата позволяет определить „наполнение“ поэтической вселенной Конеского.

В целом большое количество конативов, используемых в стихотворных текстах, свидетельствует о незамкнутости, открытости поэзии Конеского, ее обращенности к миру: ***О*** *вие мили*! ***О*** *вие љубени наши*! *Вие сте премногу важни за нас во животот* (ТЕМЕЛ); *Се урива мојата заветна, црква,* ***ej*** *луѓе, се рушат моите гробови* (ЦРКВА).

Еще одна важная функция междометий в поэтическом тексте – текстообразование. По мнению Якобсона, основным конституирующим

признаком стиха является повтор (Якобсон 1975). Несколько стихотворений Конеского построено на повторе звукоподражаний. Как известно, идеофоны используются в поэзии как изобразительные средства для усиления впечатления, оживления, создания эффекта звучания. Наиболее частотные звукоподражания у Конеского – это подражания голосам птиц, поэтический мир поэта наполнен щебетаньем и пением. Однако звукоподражания у Конеского не просто семиотизируют звуки природы, но, выполняя поэтическую функцию, становятся метафорой поэзии. Так, в стихотворении ARS POETICA лирический герой уподобляет себя старому воробью, обучающему песням молодое поколение. Иконический знак, повторяющийся в тексте, в зависимости от контекста и интонационного оформления приобретает разное эмотивное наполнение: в первом случае это радостный щебет юных „певцов“, во втором – мудрое, исполненное печали, пение мастера:

ARS POETICA

Старему Џивџану	Старику воробью
голиштарците му викаат:	молодые кричат воробьишки:
„Бре,	„Чик-чирик! Чик-чирик! Чик-чирик!
ние сме по-песнарии од тебе!	Эй,
Чуј нè:	а ты так не можешь
џив! ***џив***! ***џив***!“	старик!“
А старишшето им се одговара:	А старик им в ответ:
„Деца,	„Эх, детишки,
тоа треба да биде леко и меко,	в песне должны быть сила и нежность,
силно а милно,	горечь и сладость,
жално ем пално,	горе и радость,
со горчлив опит,	звук печали
со згрутчена мака:	и опыта знак:
џив… ***џив…*** ***џив…***	чик-чирик… чик-чирик… чик-чирик…
Вие уште не знаете така“.	Вы пока не умеете так“.

Междометия в прозаических текстах Б. Конеского

Проза Конеского позволяет рассмотреть дейктическую природу исследуемого класса слов, о которой мы говорили выше. Междометия, выполняющие экспрессивную, конативную и фатическую функции, жестко привязаны к речевому акту, или классической коммуникативной ситуации, в которой участвуют говорящий (1 лицо) и слушающий (2 лицо), связанные единством места и времени. Звукоподражания, выполняющие квазиреферентивную функцию, как правило, соотносятся с 3-м лицом, не-участником коммуникации.

Междометия, соотносимые с 1 и 2 лицом, способны употребляться только в речевом режиме, поскольку указывают на эмоции и интенции субъекта и одновременны восприятию стимула эмоции ее субъектом, кроме того, они являются сигналом адресату, на которого может быть

направлена эмоция, что событие происходит *здесь* и *сейчас*. Элементы (грамматические категории, слова, конструкции), интерпретируемые в речевом режиме, Е. В. Падучева называет первичными эгоцентриками (Падучева 2003). В качестве примера первичных эгоцентриков она приводит местоимения *я, ты, вон* (*там*), категории лица, времени и др. Первичные эгоцентрики противопоставляются вторичным, элементам, которые реализуются по преимуществу в нарративном и гипотаксическом режимах (Падучева 2008: 412).

Е. В. Падучева вводит три режима интерпретации эгоцентрических элементов, опираясь на идеи Э. Бенвениста, противопоставляющего план повествования и план речи, и Ю. Д. Апресяна, использующего понятия первичного и вторичного дейксиса: это речевой режим, нарративный и гипотаксический (дейксис пересказа ситуации, несобственно прямой речи). Междометия-эмотивы, на дейктической семантике которых мы остановимся подробнее, являются типичным примером первичного эгоцентрика. Они реализуют свой смысл только в речевой ситуации диалога и ориентируются на полноценного говорящего. Однако и в нарративном и гипотаксическом режимах такие элементы тоже способны употребляться, там полностью сохраняется их первичная функция – указание на субъект эмоции. Им может быть сам автор (дневниковые записи), повествователь как заместитель автора и персонаж. В предыдущем разделе мы видели, как это проявляется в поэтическом тексте через особый тип говорящего – лирического героя. Иногда только первичный эгоцентрик позволяет определить, кому именно принадлежит „голос“, звучащий в тексте.

При небольшом объеме прозаическое наследие Конеского дает возможность проследить поведение междометий-эгоцентриков в разных типах текста. В произведениях автора представлены три типа художественного дискурса: классический третьеличный нарратив (субъект речи – повествователь), перволичный нарратив (от лица героя) и дневниковые записи (повествователь – автор).

1. В подавляющем большинстве случаев, как и следует ожидать, междометия употребляются **в прямой речи**, воспроизводящей речевую ситуацию в координатах – *здесь* и *сейчас* – персонажей. В этом случае употребление междометий работает на речевую характеристику героев, определяет их социальный статус, особенно через конативы и фатические междометия. Интересно, что междометия могут выполнять и функцию эпистемического маркера, как в следующем примере, где междометие *боже* в силу своей спонтанности позволяет выбрать из двух противоречащих друг другу заявлений (*постојано – понекогаш*) героини истинное:

> *Па мили мои, јас можев да одам во Париз, што беше за мене да појдам сега во Париз*! *Но јас идам овде, јас постојано мислам за вас, сакам да ве видам,* ***боже*** *колку сакам понекогаш да ве видам*! (ПРЕЧЕК)

2.1. Однако во всех трех указанных типах художественного дискурса Конеского имеются употребления междометий вне прямой речи, которые нуждаются в интерпретации. **В классическом третьеличном нарративе** повествователь находится за кадром, и употребление междометий либо выдает его „незаконное“ присутствие, либо указывает на несобственно прямую речь персонажа. Второй случай представлен в рассказе ПОТЕЗ, где междометия отсылают к персонажу как субъекту сознания. Читатель по воле автора проникает в мысли героя, слышит его внутренний диалог:

> *Мајсторот се налактува со двете раце на шаховското столче и погледот почнува да му шари над фигурите како авион во низок лет над зградите. Но, **боже мој**, колку безбројни варијанти се откриваат веќе од првиот потез со пешачка жртва! Како да се проследат тие сите, како да се подредат, да се изврши правиот избор, за да не испадне просто смешен тој негов генијален потез, една обична очајничка непромисленост. А и времето што го има на располагање е толку кратко!* (ПОТЕЗ)

Автор остается за кадром, не навязывая читателю своих оценок, давая ему возможность увидеть эмоции, мир героя изнутри. Междометия являются симптомом эмоции персонажа, без них наррация имела бы отстраненно-объективный характер и не достигала бы своей цели:

> *Белиот не чека сега многу.*
> *– Шах, – вели пак мајсторот.*
> ***Ах**, на другава страна му пишува ќерка му. Таа е веќе големка, има четиринаесет години, и мисли на дотерување. Го потсетува да не ја заборави блузата со народен вез што ѝ ја вети* (ПОТЕЗ).

В третьеличном повествовании есть пример употребления междометия, выдающего присутствие автора. Это вторичное междометие *глупости* в рассказе ПРЕЧЕК, где очевидно, что эмоциональная рефлексия по отношению к происходящему не может принадлежать участницам встречи в аэропорту, и мы понимаем, что повествователь в этой сцене является наблюдателем, присутствующим в зале ожидания. Отметим, что этот рассказ отличается весьма сложным построением: начинает текст всезнающий повествователь, который затем уступает свое место наблюдателю, чтобы в конце вновь вступить в свои права.

2.2. Как отмечает Е. В. Падучева:

> Употребление эгоцентриков **в повествовании от 1 лица** отличается от третьеличного нарратива незначительно. В нарративе 1 лица употребляются, не выводя за пределы текстового пространства, эгоцентрики (в том числе первичные), ориентированные на субъект речи (Падучева 2009: 236–237).

В этом случае у нарратора есть *я*, но нет собственного *здесь* и *сейчас*, поэтому междометия опять-таки будут указывать на эмоцию героя. Примером перволичного нарратива является рассказ ЧЕВЛИ. Повествователь рассказывает о своем детстве, и эмотивное междометие *о ужас*! указывает на эмоцию *јас*-мальчика, относящуюся к его *сейчас*, одновременную описываемым событиям:

> *Но еве таа ја врти главата и го пренесува својот поглед и својата усмевка на мене* […] *Најдобро би било и јас да ѝ се насмевнам, да ѝ покажам дека ја*

*разбирам, но место тоа јас ги спуштам очите и – **о ужас**! – гледам дека место мене ѝ се смешка некој друг, и тоа е мојот десен чевел* (ЧЕВЛИ).

2.3. Особым, и самым сложным для интерпретации, является **дневниковый жанр** (ДНЕВНИК ПО МНОГУ ГОДИНИ). В данном случае у автора есть его собственные *здесь* и *сейчас*. Это момент создания текста. Значит, в этом случае междометие может принадлежать и ему:

*Во Новосибирск во хотелот за нас се грижеше Маша. **Ох**, каква жена беше таа! Крупна, убава, енергична да е тешко некој да ја совлада* (КОШУЛА).

События относятся к прошлому, но эмоция (и междометие) – к моменту создания текста.

Однако в следующем примере, именно в силу того, что и у повествователя, и у персонажа „есть право на междометие“, возникает весьма интересный эффект. *Јас* взрослого человека, пишущего дневник, и *јас* мальчика, каким он был когда-то, сливаются. Автор на мгновение переносится в прошлое, снова остро переживая эмоцию, становясь тем, кем был когда-то. Такую трактовку подкрепляет и форма будущего времени:

*Ние моравме да признаеме дека надвор од нашиот хоризонт се наоѓа градот. По саботите таму одеа и се враќаа пазарџиите и ни донесуваа шеќерчиња, шеќерни петлиња на стапче и симиди или ѓевреци. Што ќе биде, **боже**, градот*? (ГРАД)

В следующем примере подобную функцию выполняет комбинация формы презенса с междометием в окружении претеритальных форм. Герой лишь на секунду переносится в прошлое, заново переживая (и давая ощутить это читателю) давнее чувство потрясения:

*Беше добро разденето кога влеговме в град. **Боже**,* какво е ова чудо? *Тоа ми беше првпат да видам град и целиот ме полази страв од тоа што го видов, а што не можеше да се помести во кревките граници на мојот дотогашен свет* (ПРЕСЕЛБА).

Таким образом, в текстах Б. Конеского представлен довольно широкий репертуар междометий, включающий практически все разряды, выделяемые в классификациях. А художественное творчество автора позволяет проследить весь спектр коммуникативных функций междометий. Особенно ярко художественный текст показывает иерархию функций, выявляя доминирующую в сообщении функцию междометия.

Библиография

Ameka 1992: Ameka, Felix. Interjections: The universal yet neglected part of speech. In: *Journal of Pragmatics.* North-Holland. 19 (1992). P. 101–118.

Gralis-Korpus: http://www-gewi.kfunigraz.ac.at/gralis. Состояние: 28.07.2012.

Wierzbicka 1992: Wierzbicka, Anna. The semantics of interjections. In: *Journal of Pragmatics*. North-Holland. 18 (1992). P. 159–192.

Wilkins 1992: Wilkins, David P. Interjections as deictics. In: *Journal of Pragmatics*. North-Holland. 18 (1992). P. 119–158.

Разговори 1991: Андреевски Ц. Разговори со Конески. Скопје: Култура. 461 с.

Боронникова, Верижникова 2011: Боронникова Н. В., Верижникова Е. В. О коммуникативном статусе заимствованных междометий в современном македонском языке (на примере турецкого междометия *аман*). In: *Проблемы социо- и психолингвистики*. Пермь: Перм. гос. нац. ун-т. Вып. 15. С. 276–300.

Конески 1967: Конески, Блаже. *Граматика на македонскиот литературен јазик*. Дел I и II. Скопје: Култура. 552 с.

Конески 2002_1: Конески, Блаже. Сите мои песни… In: *Собрана лирика: во три книги*. Кн. 1. Скопје: Табернакул. 376 с.

Конески 2002_2: Конески, Блаже. Сите мои песни… In: *Собрана лирика: во три книги*. Кн. 2. Скопје: Табернакул. 340 с.

Конески 2002_3: Конески, Блаже. … и лирски записи. In: *Собрана лирика: во три книги*. Кн. 3. Скопје: Табернакул. 280 с.

Падучева 2003: Падучева, Е. В. *Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива*. Москва: Языки славянской культуры. 607 с.

Падучева 2009: Падучева, Е. В. Режим интерпретации как контекст, снимающий неоднозначность. In: *Труды международной конференции „Диалог 2008“*. Москва: Наука. С. 412–418.

Шаронов 2008: Шаронов, И. А. *Междометия в речи, тексте и словаре*. Москва: РГГУ. 296 с.

Якобсон 1975: Якобсон, Роман. Лингвистика и поэтика. В: *Структурализм: „за“ и „против“*. Москва: Прогресс. http://philology.ru/linguistics1/jakobson-75.htm. Состояние: 17.04.2012.

Словари

РМНП 1983: *Речник на македонската народна поезија*. Под ред. на Т. Димитровски. Скопје. Т. I: А–Г. Скопје. 452 с.

РМЈСХТ 1961; 1966: *Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања*. Ред. Б. Конески. Составувачи Т. Димитровски, Б. Корубин, Т. Стаматоски. Т. I: А–Н, Скопје, 1961. 510 с.; Т. III: Р–Ш, Скопје, 1966. 606 с.

Natalia Boronnikova (Perm), Elena Verizhnikova (Moscow)

Textual function of the interjection in linguistic and literary heritage of Blaze Koneski

The problem under consideration in the paper is the interjection status and functions in linguistic and literary heritage of B. Koneski. The authors intention

is to analyze the grades of interjections in the speech acts and in literary discourse (in poetry and prose), highlighted by Koneski in the Grammar of Macedonian literary language. The research is based on the author's texts and materials provided by the Gralis-corpus.

Наталия Владимировна Боронникова
Пермский государственный национальный исследовательский университет
Букирева, 15
614990, г. Пермь, Россия
Тел.: +7 342 2572334
natboronnikova@rambler.ru

Елена Владимировна Верижникова
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ленинские горы, МГУ, д. 1, стр. 51, 1-й учебный корпус, филологический факультет
119991, Москва, ГСП-1, Россия
Тел.: + 7 495 9392455
eluska@mail.ru